

РОЗДІЛ 1. ЕКОНОМІЧНА ТЕОРІЯ

УДК 330.101

ЭКОНОМИКС ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ? (часть вторая)¹

Задорожный Г.В., д. э. н., профессор
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Обосновывается необходимость обновления методологии современной экономической науки посредством формирования социальной экономики. Сформулированы ее исходные постулаты, приведено определение ее предмета, показана роль в постнеклассическом знании.

Ключевые слова: социальная экономика, постнеклассическая наука, триипостасевая био-социо-духовная природа человека, целостная деятельность, хозяйство, личность, мера, духовно-нравственные ценности.

*В демократическом и гуманном обществе высшей целью
и центром внимания является не государство, а человек...
Не человек должен служить экономике,
а экономика должна служить человеку.
Морис Алле, нобелевский лауреат*

*Экономика знаний – это экономика, которая
по своему сущностному определению является
полноформатной социальной экономикой.
Анатолий Гальчинский*

В первой части статьи были раскрыты главные причины необходимости обновления методологии отечественной экономической науки для ее выхода из дрящущегося кризиса, а также показана отрицательная роль *экономикса*, выдаваемого за современный мейнстрим, а на деле являющегося гламурной идеологией потребления, и был поставлен вопрос: *что делать?* В данной части статьи попытаюсь ответить на этот совсем не простой вопрос.

Ответ на него не может быть лишь кабинетными профессорскими построениями: он затрагивает важнейшие проблемы нынешней реальности и будущего украинского народа, независимости Украины, ее функционирования и развития либо как *субъекта* мирового глобально-го хозяйства, либо как *объекта*, которым управляют другие.

О настоящей реальности можно судить по ряду цифр, которые привел А.С. Гальчинский: Украина оказалась страной с наибольшим падением экономики в Европе - 14-15% (за первые три квартала 2009-го - 15,9%) в измерениях ВВП в национальной валюте. В долларовой эквиваленте ситуация, судя по статистике МВФ, вообще катастрофична. Расчеты 2009 г. показали, что если в 2008 году общий объем ВВП Украины составлял 179,6 млрд. долл., то в 2009-м (по оценкам МВФ) - 115,7 млрд. долл. С учетом динамики валютного курса падение всего лишь за год - более чем на треть, на 35,6%. В 2008 году наш ВВП на душу населения составлял 3,9 тыс. долл., а в 2009-м - 2,5 тыс. Для сравнения: соответствующий показатель в Беларуси составляет 5,1 тыс. долл., Казахстане - 6,9 тыс., России - 8,9 тыс. долл., в Польше ВВП на душу населения - 11,1 тыс. долл., почти в 4,5 раза выше, чем у нас. Украина в свое время существенно превосходила по экономическим параметрам Румынию и Болгарию. Сейчас в этих странах показатели ВВП на душу населения в два-три раза выше, чем у нас [30]. При этом 130 наиболее богатых семей в Украине владеют достатком, эквивалентным двум третям ВВП, а через бюджет в стра-

¹ В порядке обсуждения. Часть первая опубликована: Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, економічна серія, 2010, № 884.

не распределяется только 30% ВВП (о Франции, Германии – по 45%, в Швеции – 51%). По данным ООН, в Украине более половины населения составляют бедные люди, а по информации омбудсмана Н. Карпачевой – 70% населения. Если к этому прибавить катастрофическую ситуацию в сфере среднего и высшего образования, а также в научном секторе и в области внедрения инноваций, то становится понятно, что в стране пока лишь в умах ученых начинается восприниматься задача необходимости формирования экономики знаний, которая в начале нового века стала основанием социально-экономического развития и повышения народного благосостояния в уважающих себя государствах.

И это все лишь докризисные реалии. Сегодняшняя углубляющаяся кризисная ситуация, которую все острее чувствует большинство населения, стала убедительным доказательством *практической ущербности и бесчеловечности идеологии экономизма*, насаждаемого под флагом гламурного потребительства, «свободного рационального выбора», виртуально-индексного финансизма, идеологии, которая оторвалась от реальности и не просто *оглуляет*, но и *подавляет и примитивизирует человека*.

Все это весьма остро вынуждает к необходимости *кардинального переосмысления сценария-стратегии национального развития*. Главное сводится к тому, что сегодня нужно не гнаться за исправлением *отдельных* ошибок и пороков наличной социально-экономической системы, а необходимо *полностью менять систему координат*. Актуальнейшей становится напряженнейшая *мыследеятельность* по изменению *смысла* жизни украинского общества, ибо этот дрящущийся кризис потому-то и является «дрящимся», что не пересматриваются *основания смыслообразования*, на которых можно и нужно создавать *качественно иное* поле жизнедеятельности человека. В украинцев уже выработалось психическое восприятие *состояния кризисности как обыденности*. Но разве это нормально? Вновь возникает вопрос: что делать?

Начинать надо со смыслообразования, в котором важнейшая роль принадлежит науке, в том числе экономической. Наука в такие моменты, названные точками буфуркации или *точками интенсивности* (М. Мамардашвили), должна не просто изменить стиль мышления, но и найти и опереться на *новые постулаты*, которые открывают новые возможности более глубоко и полно познавать усложняющуюся реальность, а также выработать сценарии созидания *иначе возможного* (А.С. Панарин). Наука, прежде всего экономическая, своим кризисным состоянием как бы сама подсказывает, что дальнейшее ее развитие *невозможно* при помощи тех методов, способов, инструментов, которые *привели к кризису*. Но поскольку сама наука *консервативна* по своей природе, то преодоление традиционализма научного мышления является задачей весьма трудной, ибо требуется *громадное усилие и напряжение*, которое представителей *гламурного* сообщества «викторианского мира» (Р. Л. Хайлбронер) только *раздражает*, а те, кто это усилие делают, становятся чуть ли не изгоями: их предпочитают не замечать в своей гордыне именуемые себя «научным истеблишментом». Но переосмысление смыслов и научных методов для познания современной реальности, нравится это кому-то или нет, стало актуальным *требованием-необходимостью* дальнейшего развития самой экономической науки. И специфика момента, как представляется, сводится к тому, что настало время академикам прислушаться и обстоятельно оценить то, *что* разрабатывается «обитателями экономического подполья», дабы не повторилась ситуация XIX века [37, с. 268].

Экономическая наука возникла в ходе осмысления человеком своей *хозяйственной* деятельности и лишь в процессе своего развития она все больше и больше *отрывалась* от понимания *целостного хозяйства* и хозяйствования в сторону весьма *однобокой* его обменно-оденуженной, купле-продажной формы – *экономики*. В этом аспекте вполне закономерным становится вопрос: было ли это *развитие* науки о хозяйстве или всего лишь ее *упрощение* и схематизация, способствующая *деградации* хозяйства в экономику, а затем и в современную финансомику со всеми ее ныне достигнутыми-проявленными *кризисно-деградирующими результатами* относительно как природы, так и самого человека?

И проблема здесь вовсе не в том, способствовала ли экономика развитию человека и общества (в координатах не извращенного экономизмом мышления *экономика* всегда должна оставаться *лишь средством!*), а в том, что в конечном итоге производству прибыли и денежного богатства были *реально подчинены* как природа, так и человек, человеческое (ли?) общество. Сегодня вопрос *перерос узко-экономический* смысл развития и предстал как *вопрос о самом существовании человечества*, о его *будущем*.

Здесь и появляется осознание того, что не все так ладно и так складно в отечественном «экономическом королевстве». Это королевство, как оказалось, несет в себе, в самой своей природе *разрушительную* энергию, направленную *против человека*, делающую все для того, чтобы человек *навечно оставался* всего лишь *средством*, но никогда бы не стал ни целью, ни тем более *центром перспективы и центром конструирования универсума* (П. Тейяр де Шарден). И выход может быть только один: королевство нужно перевернуть так, чтобы *экономическое стало средством* развития человека. Но произвести такое «перевертывание-перестроение» может только *мыслящий*, занятый прежде всего образованием смыслов, идей и образов, человек, понявший всю *катастрофичность* нынешней ситуации для ЧЕЛОВЕКА.

Именно такое «перевертывание» должно произойти в экономической науке ради сохранения и дальнейшего развития ее самой. Речь идет о том, что на *данном* этапе в *исходной точке* осмысления необходимо *отказаться* от разработанной американской «фабрикой мысли» – корпорацией «РЭНД» так называемой «*теории рационального выбора*», цель которой состояла в *отрицании сотрудничества, справедливости, морали, первостепенной значимости семьи и ее ценностей*, а поэтому эта теория породила «мир, решения в котором принимаются в неведении» в результате неправильно намеченных целей по принципу «если вам не нравится результат, необходимо просто поменять параметры» [1, с. 312], и погрузила американцев в миф [1, с. 314], а затем в ходе идеолого-психологической войны была навязана и иным странам. На самом деле эта теория «является совсем не рациональной. Она не постигла законы мира, так как не распознала его структуру» [1, с. 313], но наши ученые-экономисты восприняли ее за величайшее достижение западной науки, которое превратили в *идола* и поклоняются ему по сей день².

Кризисное бытие общества, а также и самой экономической науки требует обращения взора и мыследеятельности к *социальной экономии* как *новому смысловому пространству экономического знания*, призванному служить не прибыли и гедонизму с неограниченным потреблением, в котором сам человек становится не только потребителем, но и *товаром*, а помогающему постигать именно *сущностное развитие человека, самореализующегося в процессе осознанного хозяйствования как производства-создания жизни*.

Здесь сразу же необходимо подчеркнуть *преходящую* необходимость актуализации социальной экономии. С *одной стороны*, она должна включить в себя все те *позитивные* с точки зрения развития человека экономические знания, которые выработали политическая экономия и экономическая теория, но, с *другой стороны*, она является всего лишь *ступенькой становления* более высокого экономического знания – *духовной «экономии»*, которая сегодня представлена *философией хозяйства* как размышляющим *мета*знанием о хозяйстве как всей сфере жизнедеятельности человека, а потому являющейся *метаметодологией* экономической науки. Поэтому социальная экономия становится *имманентной формой постнеклассического знания*, включающего в себя *целерациональность* как более поверхностное смыслообразование, но все же призванного стать *ценностнорациональным, человеческим и человечным* знанием. Социальная экономия представляется выходом на *новый качественный уровень осмысления* эконо-

² Проблема идолизации экономикса, неоинституционализма, рационального выбора сегодня весьма актуальна среди тех, кто не желает мыслить. Хочу привести слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Ведь идол – это рукотворный бог, который физически делается человеческими руками, и тогда появляются истуканы, которым поклоняются несчастные ослепленные люди. Но идол может быть результатом иной человеческой деятельности – мыслительной, и тогда на свете появляются ложные ценности и ложные идеологии, которые закрывают для человека путь к Богу... и сегодня люди лепят своими руками идолов, рукотворных богов, больших и маленьких: это новая психология бытия и философия жизни, которая связана с непременным богатством, успехом, властью, деньгами; это новая философия бытия, которая обращается не к разуму, а к желудку и кошельку человека, которая именно с этими человеческими страстями, с их раскрепощением и удовлетворением связывает такое понятие, как полнота жизни. В сознании современного человека жизнь с избытком – это когда ем по горло, и то, что хочу; когда удовлетворяю все свои инстинктивные потребности без всякого ограничения; когда приобретаю все, что хочу приобрести; когда беру власти столько, сколько могу взять. И для поклонения этим идолам мобилизируются силы не только людей, но и обществ и государств... Идолы раскрепощают инстинкт, идолы раскрепощают страсти. А люди, живущие по закону страсти, не могут жить вместе. Они могут эксплуатировать друг друга – материально, духовно, физически; они могут даже свои инстинкты эксплуатировать и выжимать из этого деньги или власть, а вот объединить людей идолопоклонство неспособно, потому что в основе объединения всегда лежит стремление людей быть друг с другом» [31, с. 112-113].

мической реальности, которая уже не может и не должна рассматриваться как нечто *самодовлеющее*, а анализироваться как то, что *выполнило* свою историческую миссию обеспечения *материальных* условий существования человека, и должно *уступить* место той сфере, которая создает *социальные* условия для *самореализации* человека. Экономическое при этом должно погрузиться в основание, а актуальным становится социальное. Поэтому следует согласиться с А. Гальчинским в том, что при переходе к постиндустриальному развитию *экономика* становится *непосредственной составляющей социальной сферы* [9, с. 11], а формирующаяся *экономика знаний* является по своему сущностному определению *полноформатной социальной экономикой* [8, с. 236].

Но для такого понимания необходимо сделать следующий *опережающий* шаг: недостаточно оставаться в поле социального смыслообразования, а необходимо исходить из *более высокоформатной* системы размышлений, базирующейся на понимании *целостности* человека и *целостности* его *деятельности*, что становится возможным только поняв и приняв *триипостасевую* в своем *внутреннем единстве* природу человека как существа *био-социо-духовного* [см.: 18]. При этом именно *духовное*, являясь равноположенной с другими ипостасью единой природы человека, *определяет-задает* другие его ипостаси. Духовная ипостась актуализируется. Специфика здесь сводится к тому, что на *первом* этапе жизни человека эта ипостась как бы *формируется*, не очень-то рельефно проявляя себя в целостной жизнедеятельности. Духовное «выходит на авансцену» лишь тогда, когда человек «*созревает*», достигает «предела, именуемого возрастом познания», когда он готов к *пользованию собственным умом* и начинает жизнь «без какого-либо внешнего авторитета, без того, чтобы тебя водили на помочах» [25, с. 30]. В этом возрасте человек понимает, что *социальное* представляется главной *сферой реализации* *духовного*, но само познание-понимание происходит именно в *духовной* сфере посредством *смыслообразования*.

Вопрос о необходимости разработки социальной экономики подспудно витал несколько столетий, но в XX веке он предстал как *актуально выраженная задача*, но сформулированная в несколько иронично-лаконичной форме: «Социал» написать. И хотя о социальной экономике писали в 70-е - 80-е годы прошлого столетия, но речь не шла о кардинальном обновлении методологических оснований экономической науки.

Впервые формирование социальной экономики связал со становлением новых исходных теоретических постулатов, «теоретического ядра» подлинной экономической науки покойный академик РАН Д. Львов в своем предисловии к статье Р. Гринберга и А. Рубинштейна «Социальная экономика: введение в новую аксиоматику» [11, с. 77]³. Этот же аспект активно начал подниматься в публикациях начала XXI века [см.: 3; 4; 17; 40].

Что же сегодня видится наиболее существенным в разработке социальной экономики как на сегодня высшей, интегральной, но и *преходящей* экономической науки?

Видя погружение современной экономической науки в виде мэйнстрима в кризис, некоторые экономисты-исследователи уже громогласно объявили о том, что уже предугадали те доктрины, «*которые сейчас еще не стали «мэйнстримом», но станут им в ближайшие годы*». Они заявляют: «*наиболее перспективным направлением* в современной экономической науке *мы считаем институционализм*» [42, с. 268]. Признавая *необходимость* и *желательность* *развития институциональной теории* как *одного из инструментов*⁴ познания каких-то аспектов общественной реальности, все же следует обратить внимание ученого сообщества экономистов-исследователей на обоснованное предупреждение А. Дж. Тойнби о том, что «*идолизация институтов – непростительная интеллектуальная и духовная ошибка, которая приводит к социальной катастрофе*» [34, с. 551].

³ Весьма показательно, что сегодня Р. Гринберг является директором Института экономики РАН, а А. Рубинштейн – первым заместителем директора этого же института. Это свидетельствует о понимании российским академическим сообществом важности разработки научных проблем социальной экономики и дальнейшего развития России на основе этих разработок.

⁴ Я не выступаю против разработки институциональной теории, а лишь ратую за соблюдение меры в ее применении, ибо нынешняя во многом агрессивно-поверхностная ее экспансия наносит большой вред отечественной экономической науке, экономическому мышлению и образованию.

Убедительным подтверждением этому уже стало то, что «вместо экономики и хозяйства теперь мы имеем институционализированные *шоу-экономику* и *шоу-бизнес*, в которых решаются не настоящие хозяйственные и экономические вопросы производства, обмена, распределения и потребления, а вопросы конвертирования валюты и финансовых спекуляций, стабилизационного фонда, обеспечения мобильности всякого рода ресурсов, в том числе трудовых, маркетинга и рекламы, коммерциализации всего и вся вплоть до искусства и святынь» [29, с. 40]. А поверхностно-схематизированная и до предела математизированная экономическая теория, объясняющая задним числом все эти «шоу», породившие невиданный ранее в истории сегодняшний финансово-экономический кризис, служит цели создания потребляющей и голосующей *человеко-машины*, лишенной критической мыследеятельности, воли, сознания и самосознания, утратившей свою субъектность, идентичность, и вообще способность к самоидентификации, ибо этой «машине» через СМИ (средства массовой идиотизации – *Н.Б. Шулевский*) и нынешнее *экономикс*-ическое образование внушили, что она делает «рациональный выбор». При этом такая теория молчит о том, что человек-автомат и общество-автомат «способны только к низшим формам психической деятельности, т. е. дебилизируются и деградируют» [29, с. 40].

Не допустить сценария движения человечества к *небытию*, который уже во многом начал реализовываться, становится приоритетом из приоритетов, требующим качественных сдвигов прежде всего в системе *человеческих ценностей*. М. Вебер, глубоко исследовав проблему социальных действий, различал формальную и сущностную рациональность. «Формальная экономическая рациональность» определяется мерой технически возможного для экономики и действительно применяемого расчета. Напротив, «сущностная рациональность» характеризуется степенью, в какой обеспечение определенной группы людей жизненными благами достигается посредством экономически ориентированного *социального действия*, учитывающего (в прошлом, настоящем или потенциально) определенные *ценностные постулаты*, независимо от природы этих ценностей» [43, р. 85] (выделено мной – *Г. З.*). В ходе дальнейших рассуждений он доказал, что «чисто формальная» рациональность денежных расчетов может рассматриваться как *второстепенная* или даже *противоречащая* предусматриваемым ими (высшими ценностями) конечным целям, независимо даже от результатов, вытекающих из современного отношения к вычислениям» и «*абсолютная целерациональность действия, игнорирующая фундаментальные ценности*, рассматривается лишь как *предельный случай*» [43, р. 86, 26] (выделено мной – *Г. З.*). Однако инерция мышления в духе повсеместно навязанной *догмы экономизма* сегодня настолько сильна, что обращать внимание на сущностную рациональность и ее *первичность* по отношению к формальной рациональности в среде отечественных экономистов практически не принято.

Между тем еще в октябре 1995 г. И. Валлерстайн во вступительном слове на Международном коллоквиуме «Университеты и обществоведение: новые пути к общественной рациональности» призвал интеллектуалов ощутить *свою ответственность* и *изменить* сам *статус обществоведения*, возникшего как интеллектуальное *дополнение* либеральной идеологии. Для того, чтобы оставаться востребованным в обществе и не оказаться на *задворках научного мира*, следует «вернуть понятие сущностной рациональности в центр наших научных исследований» [6, с. 209]. Этого требует и переход к постнеклассической науке, знаменующий собой приоритетность *ценностно-рационального* поиска в ходе научных исследований.

Возникает закономерный вопрос: каким образом это можно сделать?

Для этого требуется, во-первых, понимание того, что мир и жизнедеятельность человека – феномены *целостные*. Выделение из них каких-то отдельных сторон, аспектов, уровней и т. д. было необходимо на предыдущих этапах развития науки. Сегодня речь должна идти о *синтезе* накопленных знаний. Причем этот синтез должен быть *всеобъемлющим*: включать не только научные, но и *вненаучные* знания, как-то философские, религиозные, обыденные и пр. Проблема сводится к тому, что необходимо формировать *универсумное* знание, находящееся за пределами фундаментальной экономической науки [33, с. 39], равно как и за пределами каждой из ныне существующих обществоведческих наук. И *главной* проблемой здесь становится переход к *господству нематериальных ценностей* человечества. «А как этого добиться? Как человечество в результате естественного эволюционного процесса придет к таким ценностям? Причем именно нормальным, естественным путем, а не насильственным установлением какого-нибудь тоталитарного режима, где действительно будет не до материальных символов роскоши. При-

ходится констатировать, что этот вопрос – принципиально важный для дальнейшего выживания человечества – чрезвычайно мало исследован» [24, с. 45].

Большинство нынешних обществоведов глубоко специализированы *лишь* в своей профессиональной области, в связи с чем возникает второй момент, второй уровень, имеющий непосредственное отношение к синтезу современных знаний о реальности. Применительно к экономической науке он преобразуется в поиск той парадигмальной теории, которая позволила бы синтезировать знания о хозяйственной деятельности человека и представила бы ее как *цельную* сферу жизнедеятельности. На мой взгляд, о чем я писал ранее [17; 19], такой теорией или научной областью *постнеклассического знания* может и должна стать *социальная экономия* – наука, всесторонне изучающая социальную экономику как формирующуюся реальность.

Социальная экономия уже явилась объектом пристального внимания: в структуре программы главной международной экономической конференции – Ежегодной конференции Американской экономической ассоциации среди 109 сессий, посвященных проблематике «экономики», политической экономии было посвящено 18 сессий, поведенческой экономике – 10, экономике здоровья и экологии – 17, а социальной экономии – 20 [см.: 12, с. 135]. В то же время начала развертываться научная дискуссия о предмете и месте социальной экономики в корпусе экономического знания [см.: 15].

Понимание необходимости такого парадигмального сдвига постепенно приходит к исследователям стран б-Союза⁵. Так, М.А. Шабанова начинает свою статью «Социоэкономика: от парадигмы к новой науке» констатацией того, что «последнее десятилетие XX в. ознаменовалось стремительным развитием на Западе *социоэкономики*... Если социоэкономика за рубежом столь стремительно развивается, значит, во-первых, в ней есть острая *потребность* (научная, практическая или и та и другая одновременно), а во-вторых, для ее развития сложились определенные *предпосылки*» [40, с. 121].

М.А. Шабанова предлагает и свое понимание определения социоэкономики: «*Социоэкономика* на разных уровнях социальной реальности (макро-, мезо-, микро-) изучает: *экономические* аспекты воспроизводства *социума*; *социальные* аспекты воспроизводства *экономики*; их *взаимосвязи* и *взаимообусловленности*; производит *измерения* этих взаимосвязей и *взаимообусловленностей* на основе оценки соотношения затрат и результатов (последствий) деятельности акторов разных уровней. Иными словами, в центре внимания социоэкономики – не односторонняя, а взаимная связь между экономикой и обществом, экономическими и социальными аспектами воспроизводства (функционирования и развития) хозяйственных единиц и акторов разных уровней. При этом широта и глубина *социологического* подхода к изучению этой взаимосвязи (вклад экономической социологии) дополняются более точными оценками и более высокими предсказательными возможностями *экономического* подхода – стремлением соизмерять производимые затраты с достигаемыми результатами (в том числе и в более-менее отдаленной перспективе), оптимизировать соотношение выгод и издержек на основе сравнения альтернативных способов использования ограниченных ресурсов» [40, с. 128].

Весьма отраднo, что к проблемам социоэкономики начали обращаться даже те российские экономисты, которые в силу своей должностной принадлежности к ВШЭ, являются ярыми пропагандистами-подражателями экономического мэйнстрима. Так, Ф.М. Бородкин в своей статье «Социоэкономика» акцентировал внимание на том, что «закончилась история человечества как ресурса, средства, источника, инструмента. Началась принципиально иная история – приспособление накопленного опыта хозяйствования, взаимодействия, использование накопленных благ, созданных и строящихся структур для устройства удобной, комфортной жизни людей... Лозунг «жить, чтобы работать» сменился девизом «работать, чтобы жить», что одновременно означает «и переворот в науках о хозяйствовании. Привычный русскому уху термин «экономика» стал иногда сменяться, замещаться термином «социоэкономика» как для обозначения способа хозяйствования, так и множества наук о таком хозяйствовании» [3, с. 122].

Но *вряд ли можно согласиться* с тем, что предмет у социоэкономики «почти тот же, что и у знакомой нам экономики (капитализма) – практика и теория хозяйствования, имеющего определенные характеристики», но только лишь «в социоэкономическом способе хозяйствования

⁵ Одним из первых, насколько мне известно, к проблемам социальной экономики обратился В. Еременко [см.: 14].

по сравнению с экономическим переворачиваются всего две нормы» [4, с. 146]. *Инерция мышления* делает свое дело: когда-то «перевернули» капитализм и получили социализм, теперь тем же «макаром» уже создают социоекономику. Такой чисто *механический, упрощенно-схоластический* подход (им во многом объясняется и нынешний кризис экономической науки) к определению предметного поля социальной экономики вряд ли принесет пользу новой науке. Хотя признание того, что «в социоекономике оказываются заведомо неисполняемыми, неприменимыми некоторые постулаты, действующие в экономике», к которым автор отнес свободу и рациональность индивидуального выбора и межиндивидуальных трансакций; потенциальную товаризованность любого блага или услуги; прибыль как наиболее сильный мотив поведения – уже значительный прогресс. Новым, и, видимо, положительным представлено и возникновение и расширение действия неких морально-этических ограничений, не обязательно зафиксированных законодательными актами [4, с. 146-147]. Но это все же, хотя и приятные, но лишь *декларации*, которые, впрочем, свидетельствуют о том, что, как говорил один «про-раб», в целом «процесс пошел».

На мой взгляд, формирование новой науки - социальной экономики обусловлено *более глубинными* процессами, которые основываются на том, что, говоря словами А.И. Солженицина, «наша жизнь – не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста», а «главный ключ нашего бытия или небытия – в каждом отдельном человеческом сердце, в его предпочтении Добра и Зла» [32, с. 329, 328]. Человек живет, процветает, самореализуется и творит посредством развития и осуществления во внешнем мире своей *духовности*, основанной на *нравственных ценностях* как ему *внутренне* присущих. Мораль и этика – понятия из «другой оперы»: они отражают то, что человеку *насаждается*, предписывается *внешним* образом. Это отличие имеет *принципиальное* значение, ибо в скрытом виде то «переворачивание двух норм», о котором писал Ф.М. Бородкин, заключает в себе *неизменность реального положения человека в экономической сфере*: она *над* ним господствует и не реагирует на подобного рода заклинания. Важно всегда помнить, что «в общем этическом поле, существующем с «осевого» времени, можно выделить три структурных элемента: *нравственность*, или индивидуально-поведенческие установки личности; *мораль*, или социально-поведенческие установки человеческих сообществ, и *этику* – науку о наиболее общих законах поведения как отдельного человека, так и коллективов Homo sapiens» [10, с. 82]. При этом *мораль* и *этика* ориентируются на *внешние* для человека законы и нормы, *вменяют* их человеку, что равнозначно формированию такого модного сейчас «человека институционального», т. е. послушного и нетворческого [см.: 16].

Но весь смысл в разработке социальной экономики как *интегральной, высшей* на сегодня экономической теории состоит не в морально-этической институционализации человека, сколь бы это заманчивым ни казалось для социотехнологов и социоинженеров, но в том, чтобы понять человека как *духовно-телесное* существо, которое может развивать и самореализовывать свои духовно-интеллектуальные потенции посредством своей хозяйственной самостоятельности, которая и является *творчеством* как жизнедеятельностью. Речь здесь идет не о *норме* как *чисто внешнем* для человека феномене, а о *мере* как естественном механизме обеспечения *гармонии* в саморазвитии человека посредством *нравственно* определяемой самостоятельности.

Весьма выразительно и образно об этих феноменах написал В. Личутин: «Норма – это пайка, ломоть, государственный способ управления народом, она была условной во все времена и зависит от чина личности в иерархической лестнице и лишь подчеркивает социальное неравенство. Мера – природная, эстетическая категория и не зависит от желания даже самого властного человека, но создается тысячелетиями национального опыта, вернее – она изымается из живой природы и принимается человеком как единственная гармония. Мера – это сердцевина красоты, и выступить против решится лишь нахрапистый противник природного равновесия» [23, с. 8]. Здесь только стоит добавить слова В.А. Кутырева о том, что «*механизм адаптации: любая патология в конце концов возводится в норму*» [22, с. 50].

Однако так происходит в сфере современной *насквозь купле-продажной* экономики, всеместный реакционный империализм которой всячески стремится оправдать неолиберализм как ее мировая апологетическая идеология. Порой кажется, что и выхода нет. Но это только кажется. Когда начинаешь *критически осмысливать* ситуацию (*именно критическое осмысление как таковое* и должен по замыслу его адептов *изжить* насаждаемый повсюду неолиберализм в виде *экономикс-ической «науки»* и *экономикс-ического образования!*), то перед мыс-

ленным взором предстает *хозяйство* и хозяйствование. На ум приходит глубочайшее смыслообразовательное заключение С.Н. Булгакова о том, что «хозяйство, понятие достаточно широко, не есть подъяремная работа скота, но творческая деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих в ней свои индивидуальные начала, индивидуальности же присуща свобода, даже более, следует сказать, что она и есть эта самая свобода, и если свобода есть творчество, то индивидуальность есть подлинно творческое в нас начало, которое неугасимо и неустранимо и в хозяйстве» [5, с. 34]. Именно в хозяйстве и посредством хозяйства раскрывается и реализуется человек, его личность, определяемая духовностью и нравственностью, его *совестью как первопричиной* человеческого и человеческого.

Все эти соображения позволяют, во-первых, сформулировать исходные постулаты социальной экономики, а во-вторых, дать одно из первичных определений ее предмета.

Основными *постулатами* социальной экономики, на мой взгляд, являются следующие.

Во-первых, *масштабом измерения* в предметном поле социальной экономики выступает *человек как социализирующаяся индивидуальность, личность*, способная к реализации творчества и социальной ответственности.

Во-вторых, *целью* социальной экономики выступает *развитие человека* посредством развития его сознания и способностей через *напряженную критическую мыследеятельность*, основанную на постоянном качественном образовании, позволяющую осознать и созидать проекты *качественно иного* бытия.

В-третьих, *субъектом* социальной экономики является *человек хозяйствующий, целостно* преобразовывающий себя и свою среду обитания на *нравственных* основаниях, определяемых *совестью* как первопричиной процесса сознательной жизнедеятельности.

В-четвертых, *средство* социальной экономики - *устойчивое хозяйственное развитие*, не допускающее катастрофических сценариев, основанное на принципе коэволюции (ненанесении вреда друг другу) человека, общества и Природы.

В-пятых, *механизмом* (инструментом) реализации социальной экономики является *социальное партнерство* как добровольно-сознательное совместно-разделенное участие равноправных хозяйствующих субъектов в созидательном развитии посредством объединения своих интеллектуально-духовных, финансовых, материальных, трудовых и прочих ресурсов.

Исходя из этих постулатов, можно определить и предмет рассматриваемой науки: *социальная экономика – это наука о воспроизводстве и реализации духовно-интеллектуального разделенно-совместного человеческого потенциала в процессе хозяйственной деятельности, где в основе наращивания и совершенствования социальных связей, решений и действий лежат духовно-нравственные ценности хозяйствующей личности*. На первый взгляд, это определение кажется очень широким, но именно действия хозяйствующей личности на основе духовно-нравственных ценностей – это поле современных научных исследований, в котором можно и нужно выработать стратегические ориентиры и практические рекомендации для национального и глобального развития.

Развитие экономической науки в направлении разработки новой науки – социальной экономики представляется тем *современным направлением*, которое не только может приблизить науку к реальности, но и создать методологию познания современной реальности, а еще более значимо для человека – обосновать пути преобразования реальности посредством человеческой деятельности в русле *коэволюционного* развития человека и природы. Это становится совершенно необходимым и уже очевидным условием реализации *императива выживания человечества*. Но в формате экономикса как современного мэйнстрима о таком условии не может быть и речи по определению. «Абстрактное экономическое мышление в его нынешнем состоянии в качестве ступени-стадии познания (и вместе с тем самопознания человечества) всемирно-исторически (в духе идей В.И. Вернадского), – подчеркивает В.И. Корняков, – не осуществляется. Ему не достает ни методологической и организационной консолидации, ни социальной ответственности, абсолютной нацеленности на преодоление вызовов современности. В итоге человечество ныне не имеет спасающих социальных проектов, продолжает «ковылять во мгле» [21, с. 156] (выделено мной – Г. З.). Ответственность за «ковыляние во мгле» лежит прежде всего на ученых-экономистах, сознательно замкнувших себя в неолиберальной *идеологической догматике*. Они ответственны не только за нынешнее дрящущее кризисное состояние науки и общества, но и за будущее молодежи, которого может и не быть, если молодежь учить лишь

подражать чему-то извне навязанному и давно отжившему, так и не получившему эмпирического подтверждения. *Критическое мышление* при этом приходит в упадок, человек превращается в некое не мыслящее существо, послушного робота, *постчеловека*, не способного понять, что такое человек, что такое природа, исходя из каких принципов и ценностей человек должен осуществлять свою деятельность.

Социальная эконоμία становится *определяющим* элементом *актуальной* структуры экономической науки именно тогда, когда возникла *острая необходимость* введения в научный дискурс *человекоразмерности* объекта научного анализа. Но сама *человекоразмерность* *неподъемна* в пределах *только* экономической науки. Осознание этого во многом предопределило переход к постнеклассике как *универсумному синтезу* самых различных знаний, в *размыслительном поле* которого вновь предстоит вернуться к фундаментальнейшим проблемам современной науки, но с пониманием того, что самой по себе науки сегодня *недостаточно* для восприятия и познания человеком усложняющегося мира, как и для понимания *целостной* человеческой личности.

Вот, к примеру, взять научное понимание *государства*. Согласно науке, оно возникает и функционирует в силу необходимости выполнения в обществе значимых *общих* функций, призванных создавать условия для развития общества. «Государство прежде всего – план работ и программа сотрудничества. Оно собирает людей для совместного дела»; «государство, каким бы оно ни было... – это всегда приглашение группой людей других людских сообществ для совместного осуществления какого-то замысла. Замысел, каковы бы ни были его частности, в конечном счете заключается в организации нового типа общественной жизни. Государство и программа жизни, программа человеческой деятельности и поведения, – понятия неразделимые» [26, с. 154-155, 162], – обосновывал Х. Ортега-и-Гассет.

Но анализ реального функционирования современного украинского государства рисует совершенно *иную* его картину, которая весьма далека, даже *противоположна* научным представлениям. В последние десятилетия государство превратилось в мощнейший источник насаждения в обществе *двойных стандартов*, чем заняты политико-руководящая элита и чиновники от самих нижних до самых высоких государственных уровней. Это действо стало главной причиной *прогрессирующей деградации* как самой *элиты*, которая с индустриального уровня опускается к агро-письменному уровню [см.: 35], так и всех сфер общественного развития. Когда разговариваешь с чиновником, независимо от его ранга, то перед тобой находится милейший человек, ясно понимающий катаклизмы реальности и необходимость их устранения. Но действует он по совершенно иным понятиям, ибо он всего лишь «винтик» государственной системы, которая направлена не на нечто *внешнее* для нее самой – повышение благосостояния народа, а на *свое самосохранение* и воспроизводство. И служение чиновника при произнесении правильных лозунгов и фраз превращается в служение именно системе, а через нее – *в служение себе*, ибо свой интерес, ставший выразителем современного основного инстинкта «элиты», ближе. Государство в такой системе – *не выразитель общественного интереса*, а лишь инструмент самовоспроизводства и удовлетворения *лично-корыстных интересов чиновников*, которые своей главной функцией сделали функцию *личного обогащения*, превратив собственный народ и национальные богатства страны в «дойную корову», которую даже кормят от случая к случаю, как правило, в преддверии перманентно проводимых выборов, ставших в период независимости почти священным ритуалом, заменившим собою конструктивную созидательную работу по построению *качественно иного* в *позитивном* плане бытия для *всей нации*. Беспредел функционирования такой системы закрепляет ее судебный элемент, где правым почти всегда становится тот, кто *больше «даст»* за нужное ему решение. И наступил тот момент, о котором некогда предупреждал классик: «Лик Христа истребляется в человеке. И потом мы увидим скота».

Под повсеместные заклинания о демократии и неолиберальных ценностях, правах человека и европейском выборе круг замыкается: система воспроизводится, превращая народ в *толпу*. Она, обработанная новейшими *манипулятивными* технологиями, воспринимает двойные стандарты не просто как данность, но даже с некоторым пиететом как последнее высшее достижение в борьбе за свободу, пост(*недо*)модернизм, постиндустриализм, глобализм и изначальную национальную европейскую принадлежность. Но эти двойные стандарты обернулись не

желаемой истинной демократией, а настоящей *анархией*, подминающей под себя закон и порядок, заботу о сохранении и процветании нации.

Главная беда в том, что *наука* в нашем государстве не стала действенной силой, ибо она выведена за формат господствующих сегодня в стране сиюминутных интересов власть предержащих. *Разрыв власти и науки – путь в никуда*. И так будет до тех пор, пока «олигархия прямо претендует на теократические функции, вынося беспепелляционные суждения в области морали, культуры и веры» [27, с. 125], *коммерциализирует культуру*, ибо «коммерческая культура адресована самой примитивной стороне человеческого существа, она поощряет инстинкты в ущерб разуму и морали» [27, с. 126]. В итоге практически абсолютной становится экономическая власть⁶, которая «с болезненной ревностью относится к этим (родной язык, священная земля предков, национальная территория, национальные интересы, гражданский и воинский долг – Г. З.) непрододаваемым и неотчуждаемым ценностям» [27, с. 130]. Но также становится ясным и другое: пути выхода из потока всеобщей деградации можно найти только в сфере *духа человека*, в его *нравственных* опорах, которые воплощают *высшие человеческие ценности жизнедеятельности*.

Именно поэтому в постнеклассическом знании важное место начинает занимать знание *религиозное* как изначальное Слово, поиски интерпретации которого породили саму науку. В этом плане следует еще раз переосмыслить цепочку «миф – религия – философия – наука» с точки зрения как безусловной важности императива выживания человечества, так и повседневной хозяйственной практики каждого отдельного человека. Исходным тезисом здесь может служить положение о том, что «религия есть начало или *фундамент культуры*. В мистическом опыте человек обретает высшие *ценности*. Здесь закладывается *пред-разумные* установки, определяющие поведение человека. Их можно назвать *верой*, *предельным интересом* или как-то еще. От этого не меняется их суть и назначение – *облагородить* сознание и человека вообще. С этого начинается культура» [41, с. 10]. Человек как культурное существо, как *хозяин* своей жизнедеятельности (хотя насаждаемая масс-культура ставит целью разрушить эту его ипостась) «воспринимает действительность сквозь призму культурного текста и свое поведение строит не по бихевиористской схеме (стимул – реакция), а на основе непрекращающихся герменевтических процедур, при которых факты действительности интерпретируются на основе предварительной смысловой схемы, а сама эта схема то и дело реконструируется и корректируется под давлением новых фактов» [28, с. 8]. Но все же человек остается человеком постольку, поскольку постоянно задумывается над *вопросами вечными*, но в нашей реальности очень обостренными – вопросами *смысла жизни*, которые вовсе не сводятся только к материальному и сиюминутному. В этом плане был глубоко прав тогда еще Митрополит Смоленский и Калининградский, а теперь Светлейший Патриарх Кирилл, когда сказал: «Я глубоко убежден, что на основании исторического опыта, приобретенного нашей страной, мы, как никто другой, можем обратиться к миру с уникальным посланием и сказать: построение общества всеобщего благоденствия никогда не принесет человечеству счастья, *если поиски этого благоденствия будут осуществляться вне контекста духовных потребностей человека...*» [7, с. 1] (выделено мной – Г. З.).

Осознание такого рефрена, в котором человеческие ценности и способность человека *творить* прежде всего в мыследеятельности, базирующемся на понимании *сознания* как более фундаментального основания реальности, нежели привычные нам материя, пространство и время, по-новому ставит понимание самой проблемы *развития*. Новый подход весьма плодотворно разрабатывается М.А. Чешковым, который, на мой взгляд, весьма аргументировано доказал, что понятие развития «характеризует имманентную (архетипическую) человеку/человечеству потребность и способность к творению новых форм бытия/сознания, включая как их самовоспроизводство, так и саморазрушение; данные потребности и способности реализуются человеком как субъектом мыследеятельности, преследующей фундаментальные цели и развертывающейся в вариативном процессе через разнообразные исторические типы и формы с

⁶ «Сегодня, когда экономическая власть, с ее вездесущими агентами-менеджерами, заявляет о своей претензии на полное и безраздельное господство, в самый раз подумать о сдержках и противовесах. Ни один народ, ни одна культура не способны выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль» [27, с. 129].

их пространственными масштабами и временными режимами» [39, с. 139]. Развитие сегодня следует понимать как *потребность и способность человека в новом качественном творении жизни посредством ценностной мыследеятельности*. Но в мыследеятельности как творческом усилии сознания присутствует не одно научное знание, ибо в состав сознания входит и вера.

Человеческая жизнь без веры невозможна. Сама же вера (речь идет о христианской вере) открывается «как хранение возле себя Бога, благодаря чему человек обретает прочную опору своей жизни» (Йозеф Рацингер). Понимание этого приводит к выводу, что «можно с уверенностью утверждать, что европейская культура сегодня *полнее христианством*, нежели, скажем, в средневековье. Это парадоксальное утверждение означает следующее: оставаясь закваской и инкрустацией, христианство на поверхности видится лишь в светских формах. Христианское происхождение современных принципов жизни, идей и крупных социальных институтов обнаруживается только при специальном исследовании» [41, с. 18]. Такое же исследование неизбежно приведет к тому, что «первоначальным вкладом великих религий могли бы стать их исторические идеалы, ибо идеал развития создают не экономические и социальные науки, иными словами, нам нужно искать у религиозных мыслителей то, что не чуждо социальному измерению» и «всякое размышление о развитии, если оно хочет быть не только социологическим анализом, непременно должно следовать христианской антропологии и космологии» [38, с. 157, 251]. И главное в таком ходе размышлений, которые *намного глубже многих современных психологических и педагогических теорий*, сводится к тому, что «христианство открыло миру *личность*. В христианском дискурсе эту мысль можно выразить следующим образом: знак величия личности в том, что Бог явил себя в образе человека. С приходом христианства в мир *нравственные* добродетели отделились от *гражданских* и стали самодовлеющими» [41, с. 19].

В этой связи весьма важным становится понимание того положения, на которое не всегда обращает внимание и современная религия. Его суть сводится к тому, что «если Бог творец..., то и мы, созданные по образу Творца, являемся тоже творцами не существовавших до того предметов и образов» [2, с. 334]. И в своем творчестве человек призван, прежде всего, творить по своей свободной воле свою собственную жизнь (*хозяйство*, по С.Н. Булгакову, – Г. 3.), а также создавать моральные ценности, ибо «делать добро, накапливать его в ризнице духовных богатств есть одно из проявлений творческого начала в человеке», «человек призван в добровольном подчинении высшей творческой промыслительной воле свободно осуществить в своем творчестве свое возможно более полное личное нравственное совершенство и усовершенствовать других» [2, с. 342, 343].

В нынешних условиях многомерной, многоплановой и многоуровневой неолиберальной глобализации человечество поставлено *на грань выживания*, ибо вопрос, сформулированный Великим Мудрецом Никитой Моисеевым «Быть или не быть... человечеству?» стал фиксацией заглавной, определяющей все иные, проблемы. От ответа практического, которому не может не предшествовать глубинное осознание проблемы, зависит наше будущее. Но *глубинное осознание* основывается только на *ценностном* видении, имеющим первоисточки и первооснования в религии. «Глобализация накладывает свой отпечаток практически на все сферы жизнедеятельности человека, за исключением, пожалуй, одной: религии. Только религия сегодня последовательно сопротивляется отчаянному натиску глобализма, вступая в неравный бой за защиту тех ценностей, которые она считает основополагающими и которым глобализация бросает вызов. И только религия способна противопоставить идеологии глобализма свою систему духовно-нравственных ценностей, основанную на многовековом опыте поколений, сформировавшихся в до-глобализационную эпоху» [13, с. 270]. И вновь, вслед за В.В. Зеньковским, следует констатировать, что горе нашей эпохи «в том, что в ней разъединены знание и вера, научное исследование и искание Бога» [20, с. 315].

Данные рассуждения, на мой взгляд, позволяют, пусть не в полной мере, но все же как-то первоначально понять, *что* же является наиболее существенным в вышеприведенном определении предмета социальной экономии.

Социальная экономия находится в стадии формирования, отражая и выражая становление постнеклассической науки. Знания научные *никогда* не станут знанием *достаточным* и научная картина реальности всегда будет только *приближением*. Это обусловлено как самим миром, так и человеком. Постнеклассика создает новые горизонты и возможности потому, что начала осознавать *роль пред-знаниевых ценностей*. Она широко открывает врата для вхождения в мир

знания тех *фундаментальных* положений, которые механико-материалистическая наука не считает научным знанием, но роль которых, вне зависимости от навешенного ярлыка, остается фундаментальной в жизнедеятельности каждого человека. Вспоминаются слова первооткрывателя электрона, классика физики Р. Томпсона о том, что усиленное занятие мыследеятельностью и наукой неизбежно приводит к понятию Бога⁷.

Социальная экономия центром своих исследований ставит человеческую личность. Но и «для христианства тема о человеке является центральной, поскольку все христианское богословие строится вокруг Христа, то есть события Боговоплощения. Бого-словствование всегда есть и человеко-словствование, тео-логия связана с антропо-логией, ибо Христос – Богочеловек, а потому можно сказать, что истина – богочеловечна. Бог открывается через человека и в человеке, а человек обретает человечность, становится в полном смысле человеком только в своей обращенности к Богу. Возможно, именно это христианское видение человека поможет по-новому осмыслить как наследие европейского гуманизма, так и современные процессы дегуманизации» [36, с. 45]. Интеграция знания и непознаваемого наукой (пока?) необходима. Признать это и понять мир и себя в нем по-новому – залог нашего спасения и выживания. И совершенно был прав А. Гальчинский, когда утверждал, что «наука – это диалог с обществом, в котором принимают участие, с одной стороны, ученый, а с другой – социальная саморазвивающаяся реальность» [9, с. 13]. Игнорировать какие-то реальные, хотя и не вписывающиеся в современную науку, явления и процессы сегодня становится недопустимым. Ущербность науки проистекает из того, что она в погоне за все более мелкой дифференциацией, упускает из вида *целостность человеческой жизнедеятельности*, т. е. все больше познает стороны, аспекты, отдельные куски реальности. Это также необходимо, но настал период высшего синтеза того, что уже наработано наукой. Именно в этом направлении и нужно двигаться, развивая, прежде всего, методологический инструментарий человеческого познания. В том числе и экономической науки.

Литература:

1. Абелла А. Солдаты разума/ А. Абелла. – М., 2009.
2. Архимандрит Киприан (К. Э. Керн). Антропология св. Григория Паламы/ Киприан Архимандрит // Книга ангелов: Антропология христианской ангелологии. - СПб., 2005.
3. Бородкин Ф.М. Социоэкономика / Ф.М. Бородкин. – Ст. 1: Путь к господству над хозяйством. Общественные науки и современность. – 2006. – № 4.
4. Бородкин Ф.М. Социоэкономика./ Ф.М. Бородкин. – Ст.2: После конца экономики. //Общественные науки и современность. – 2006. – № 5.
5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства: в 2т. / С.Н. Булгаков. – Т. 1. – М., 1993.
6. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века/ И. Валлерстайн. – М., 2004.
7. Впрошатель вечных вопросов // Литературная газета, 22-28.11. 2006 г.
8. Гальчинський А. Глобальні трансформації: концептуальні альтернативи. Методологічні аспекти/ А. Гальчинський. – К., 2006.

⁷ «72-летний польский священник и математик Михаль Геллер получил в Нью-Йорке самую крупную научную премию за работу, которая предоставляет косвенные доказательства существования Бога.

Геллер, являющийся также специалистом по космологии и философии, получил за свою работу 820 тыс. евро, сообщает Innovanews.ru. Теории профессора не только содержат доказательства существования Бога, но и заставляют усомниться в материальном существовании мира вокруг нас. Геллер разработал сложную формулу, которая позволяет объяснить все, даже случайность, путем математических подсчетов.

В свою бытность архиепископом Кракова Геллер работал с Папой Иоанном Павлом II и был одним из ученых, которых каждое лето приглашали в Кастель-Гандольфо, летнюю резиденцию Папы, для обсуждения проводившихся ими исследований.

Джон Темплтон, председатель Фонда Джона Темплтона, заявил: «Стремление Михалья Геллера к более глубокому пониманию привело к важным прорывам в религиозных концепциях, а также расширило горизонты науки» (опубликовано 12.02.2010 г.; электронный адрес: http://topnews.ru/news_id_34058.html).

9. Гальчинський А. Економічна наука: проблеми методологічного оновлення/ А. Гальчинський. // Економіка України. – 2007. – № 3.
10. Горелова Т.А. Доминанты морального сознания и поведения: эволюционный аспект/ Т.А. Горелова // Человек. – 2005. – № 6.
11. Гринберг Р. Социальная экономика: введение в новую аксиоматику/ Р. Гринберг, А. Рубинштейн // Российский экономический журнал. – 1997. – № 1.
12. Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма / С.М. Гуриев // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3.
13. Епископ Венский и Австрийский Иларион (Алферов). Благословение или проклятие? Традиционные или либеральные ценности в споре между христианством и западной цивилизацией. Доклад на конференции Мирового общественного форума “Диалог цивилизаций”, Гавана (Куба), 29 марта 2005 г. // Епископ Венский и Австрийский Иларион (Алферов). Православное свидетельство в современном мире: Доклады, интервью, слова. - СПб., 2006.
14. Еременко В. О науке и курсе «Социальной экономики»/ В. Еременко // Экономика Украины. – 1996. – № 5.
15. Еременко В. Экономическая наука: проблемы логики, методологии, классификации / В Еременко // Экономика Украины. – 2005. – № 12.
16. Задорожный Г.В. Об очередной догме и панацее в экономической теории (институционализм – новый мейнстрим?!)/ Г.В. Задорожный, О.В. Бервено // Экономическая теория в XXI веке – 4(11): Институты экономики. – М., 2006.
17. Задорожный Г.В. Новое осевое время и социальная экономика: о теоретическом основании реализации императива выживания человечества в XXI веке/ Г.В. Задорожный // Социальная экономика. – 2006. – № 1-2.
18. Задорожный Г.В., Колупаева И.В. О необходимости преодоления чисто экономического подхода в исследованиях человеческой деятельности как требование постнеклассической науки и актуализации духовно-нравственных ценностей/ Г.В. Задорожный, И.В. Колупаева // Социальная экономика. – 2007. – № 3-4.
19. Задорожный Г.В., Радченко Я.Ю. Социальная экономика как научная область постнеклассического экономического знания/ Г.В. Задорожный, Я.Ю. Радченко // Социальная экономика. – 2003. – № 4.
20. Зеньковский В.В. Наша эпоха / В.В. Зеньковский // Русские мыслители и Европа. – М., 1997.
21. Корняков В.И. Препоны между экономической реальностью и экономической теорией, или О формуле Гераклита для нашей науки/ В.И. Корняков // Философия хозяйства. – 2007. – № 3. – С. 156.
22. Кутырев В.А. Могущественный раб техноса/ В.А. Кутырев // Человек. – 2006. – № 4.
23. Личутин В. Польза красоты и красота пользы/ В. Личутин // Литературная газета, 14-20 марта 2007 г.
24. Макаров В. Об экономическом развитии и не только в контексте будущих достижений науки и техники/ В. Макаров // Вопросы экономики. – 2008. – № 3.
25. Мамардашвили М. Картезианские размышления/ М Мамардашвили. – 2-е. изд. – М., 1999.
26. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс/ Х. Ортега-и-Гассет. – М., 2003.
27. Панарин А.С. Искушение глобализмом/ А.С. Панарин. – М., 2002.
28. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире// А.С. Панарин. – М., 2003.
29. Попов А.К. Социальная физика институтов. Экономическая теория в XXI веке – 4(11).Институты экономики. / А.К. Попов. – М., 2006.
30. Сколотяный Ю., Гальчинский А.: «Вылечить экономику можно только на либеральной основе»/ Ю. Сколотяный, А. Гальчинский // Зеркало недели. – № 6 от 20.02.2010.
31. Слово о Единстве. Выступления Святейшего Патриарха Кирилла в ходе пастырского визита в Украину в 2009 году. – Харьков, 2009.
32. Солженицин А.И. На возврате дыхания/ А.И. Солженицин. – М., 2004.
33. Тарасевич В.Н. Институциональная теория: методологические поиски и необходимые гипотезы/ В.Н. Тарасевич // Постсоветский институционализм. – Донецк, 2005.
34. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Сборник/ А. Дж. Тойнби. – М., 2003.

35. Удовик С.Л. Особенности современной политико-экономической элиты Украины в контексте глобализации/ С.Л. Удовик // Социальная экономика. – 2003. – № 1.
36. Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Путь жизнеутверждающей любви. – К., 2004.
37. Хайлбронер Роберт Л. Философы от мира сего /Роберт Л. Хайлбронер. – М., 2008.
38. Ходр Георгий, Митрополит Гор Ливанских. Призыв духа. – К., 2006.
39. Чешков М.А. Идея развития: необходимость и возможность реинтерпретации/ М.А. Чешков // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5.
40. Шабанова М.А. Социэкономика: от парадигмы к новой науке. / М.А. Шабанова. Общественные науки и современность. – 2006. – № 1.
41. Шкода В.В. Философия in Action / В.В. Шкода. – Харьков, 2004.
42. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ)/ под ред. д. э. н., проф. Р.М. Нуреева. – в 3-х ч. – Часть 3. Государство в современной России. – М., 2003.
43. Weber M. Economy and Society [Vols.1-2]. – N-Y., 1968.

Анотація.

ЕКОНОМІКС ЧИ СОЦІАЛЬНА ЕКОНОМІЯ?

(частина друга)

Задорожний Г.В., д. е. н., професор

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

Обґрунтовується необхідність оновлення методології сучасної економічної науки через формування соціальної економіки. Сформульовано її висхідні постулати, наведено визначення її предмету, показана роль у постнекласичному знанні.

Ключові слова: соціальна економіка, постнекласична наука, трипостасева біо-соціо-духовна природа людини, цілісна діяльність, господарство, особистість, міра, духовно-моральнісні цінності.

Summary

ECONOMICS OR SOCIAL ECONOMY?

(The second part)

Zadorozhnyi G.V. Doctor of Economic Sciences, Professor

V.N. Karazin Kharkov National University

Necessity of updating of the methodology of the modern economic science by the means of formation of social economy is proved. Its initial postulates are formulated, definition of its subject is resulted, the role in postnonclassical knowledge is shown.

Keywords: social economy, a postnonclassical science, triple bio-social-spiritual human nature, complete activity, economy, a person, a measure, spiritually-moral values.

Поступила в редакцію 09.03.2010 г.

© Задорожний Г.В., 2010 г.